

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р69

Оформление серии *К. Гусарева*

Редактор серии *О. Басова*

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 [vmirefiction](#)

 [read_action](#)

Р69

Романова, Галина Владимировна.

Пока смерть не разлучит нас : роман / Галина Романова. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с. — (Детективы Галины Романовой. Метод Женщины).

ISBN 978-5-04-109105-7

Бизнесмен Николай Бобров чувствовал себя полным дураком. Так долго присматривался к хорошенькой секретарше Виктории, даже о женитьбе подумывал и только теперь узнал, что она уже два года живет в любви и согласии с каким-то безработным Виктором. С досады Бобров решил организовать слежку за счастливым соперником. И... невзначай из законопослушного человека превратился в подозреваемого в убийстве. Потому что вскоре Виктор неожиданно покончил с собой, оставив записку: «Я сам». Только Вика в самоубийство не верила и убедила в этом следователя...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Романова Г.В., 2020

© Оформление.

ISBN 978-5-04-109105-7

ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ЧАВА 1

Он давно уже заработал себе репутацию человека доброго и порядочного. К нему шли за советом, от него ждали помощи и никогда предательства. Сколько лет было этому мнению, он затруднился бы ответить. То ли со студенчества тянулся за ним шлейф его добрых дел, когда он за спасибо строчил ночами курсовые и давал деньги в долг без отдачи. Может, чуть позже пришла к нему слава мецената, когда он после армии основал фирму, буквально за два года сделал ее прибыльной и собрал вокруг себя штат сотрудников из друзей, у которых что-то не клеилось и не складывалось.

Неизвестным для него оставалось, с какого дня, часа, минуты стал он вдруг для всех если не национальным героем, то лицом, весьма приближенным к этому статусу. Неизвестным и оттого еще более противным. Знал бы, проклял бы во веки веков тот день, час, минуту. Проклял бы и предал забвению.

Почему?

Да потому что не хотел Бобров Николай Алексеевич этого больше. Не хотел, потому что устал, потому что осточертело быть добрым, отзывчивым, всегда готовым к подвигу. Он всю жизнь тянул на себе непосильную ношу из собственной непомер-

ной ответственности. Всю жизнь с его шеи свисали чьи-то ноги. Всем и всегда он непременно был что-то должен. Кому денег дать, кого в престижную школу устроить, кого кому-то порекомендовать, кому с жильем помочь, кого в университет протолкнуть вне конкурса. Своей собственной жизни у него будто бы и не было вовсе, ее за него проживала его супруга с двумя детьми, а также многочисленные родственники, племянники, дети племянников, кузины и кузены и дети кузенов и кузин. Все они жили за счет своего благодетеля, коим он для них являлся, и никто...

Ни одна из этих сволочей, которых уже несколько последних лет Бобров вдруг стал тихонько про себя ненавидеть, не спросила, а чего же хочется ему? Чем он живет? Что ему снится, о чем он мечтает? Никто не спросил и не спросит никогда, он знал об этом. Все считали его благородным! Все считали, что он счастлив уже тем, что творит вокруг себя добро и благодеяния.

А он, может, совсем другого счастья хочет! Не приторного сюсюканья многочисленной родни, справляющейся о его здоровье только в своих корыстных интересах — чем дольше он живет, тем дольше не оскудеет его дающая рука. А самого простого участия. И чтобы руку ему на лоб положили и обругали бы даже за то, что он ноги вчера на рыбалке промочил, а теперь вот затемпературил. И обругали бы не за то, что завтра важная встреча из-за его хворобы срывается, а за то, что осложнение может быть от простуды и что ему беречь себя необходимо, ведь он еще совсем молод, и ему еще жить и жить.

Этого у Боброва никогда не было. В смысле, простого незатейливого участия. Он сам его обычно

проявлял, потому что ему это делать было положено.

— Николай Алексеевич, — позвал его через селектор нежный голос секретарши, — на второй линии ваша жена. Соединять?

Бобров поморщился и кивнул тут же:

— Соединяй, Виктория. Да, и сделай мне, пожалуйста, чай с лимоном и медом. Хорошо?

Сказал и замер возле стола, ожидая ее простого участливого вопроса. Она не могла не обеспокоиться, не могла! Она была очень хорошей, милой и простой девушкой, не испорченной алчностью, завистью, тщеславием. И его она очень жалела. Чисто по-человечески жалела, а не потому, что ей было что-то от него нужно. И ее жалость, как ни странно, никогда не казалась Боброву унижительной. Он жаждал ее жалости, а в последнее время все острее и острее.

Сегодня Виктория ни о чем его не спросила...

— Да, Маргарита, — взял он телефонную трубку. — Что случилось? Почему ты звонишь?

— Коленька, разве нужно непременно чему-то случиться, чтобы я тебе позвонила? — игриво поинтересовалась жена. Точно, чего-то просить станет, она перед просьбами своими всегда игрища устраивает, тьфу на них. — А может, я соскучиться успела. Ты ведь сегодня дома не ночевал.

— Ты, кстати, тоже, — напомнил Бобров с кислой улыбкой.

Слышать голос жены ему было невыносимо скучно. Он двадцать лет его слушал, знал все его модуляции и, главное, знал, что каждая из них означает. Сейчас вот ей точно нужно денег. Не стала бы звонить ему в десять тридцать утра, она в это время

только глаза успевала продрать. И тем более упрекать его в том, что он не ночевал дома, не стала бы.

Да, он уехал за город, потому что задыхался уже в городской квартире, без конца натываясь на ждущие глаза своих детей и их приятелей. Приятелям своих детей Бобров тоже помогал. И ему вчера срочно приспичило побыть одному и подумать о делах, о жизни своей вообще, которая как будто мимо него ходко трусила.

Он и уехал. Так ведь с Маргаритой созвонился предварительно. Узнал, что у той на него никаких абсолютно планов и она сама у матери ночевать остается. Чего же теперь представления с упреками устраивать.

— Сколько? — вдруг спросил он, устав слушать от Маргариты про тещины недуги.

— Что сколько? — Жена явно насторожилась, в таком ключе ее Коленька никогда не позволял себе с ней разговаривать.

— Сколько тебе надо, Рита? Ты ведь звонишь так рано, потому что тебе нужны деньги.

Бобров поставил левый локоток на стол, подпер полный подбородок мясистой ладонью и с неприязнью покосился на обручальное кольцо на безымянном пальце правой рукой. Когда-то оно свободно ерзало по пальцу, и он даже пару раз едва не потерял его на природе, намыливая руки на берегу реки. С возрастом прибавил в весе, несмотря на всевозможные усилия в тренажерных залах и диетические ухищрения, кольцо садилось на палец все теснее и теснее. Теперь вот и вовсе почти вросло. Бобров сколько ни намыливал палец, снять его так и не смог.

— Окольцованы, Николай Алексеевич, намерт-

во, — пошутил тут недавно его массажист. — Никуда теперь не деться!..

А он вот был не согласен. Ему хотелось деться, хотелось избавиться от этого кольца и от всех обязательств, с ним связанных. Бунта хотелось, да такого, чтобы некоторые самые стеснительные стыдливо краснели, передавая из уст в уста полупшепотом подробности этого самого бобровского бунта.

А почему ему нельзя, собственно? Почему?! Почему артистам, писателям, режиссерам и музыкантам позволительно жен менять как перчатки, а ему нет? Потому что он не так харизматичен, что ли? Или потому, что к нему намертво репутация порядочного благородного человека прилипла, оттого и нельзя? Или потому, что у них с Риткой двое детей и ломать им жизнь своим разводом они не имеют права?

Так это тоже не аргумент. Сыну восемнадцать лет, дочери шестнадцать, не сегодня завтра сами начнут жениться и замуж выходить, а терпимости в современной молодежи — кот наплакал. Так что сами разводами родителей не раз смогут удивить.

— Какой ты! — вздохнула притворно жена, прохныкала что-то невразумительное, а потом обронила, как бы ненароком: — Пять тысяч, Коленька.

— Пять тысяч? Рублей? — не сразу понял Бобров просьбы.

— Смеешься! Каких рублей, милый?! — Маргарита занервничала. — Мне нужно пять тысяч долларов.

— Зачем так много? — удивился он. — Ты ведь на прошлой неделе брала у меня почти столько же, сказала, что на месяц тебе вполне хватит.

— Ну, Коля!!! — воскликнула жена с раздраже-

нием. — Ты что, меня не слушал вовсе?! Я же тебе сказала, что мама заболела! Необходимы лекарства, сиделка и...

Сам-то Бобров был уверен, что на Риткиной матери смело можно пахать. Всю свою жизнь его теща посвятила тому, что воспитывала в дочери непомерные амбиции, меняла богатых мужей и отдыхала по заграницам. Теперь в свои неполные шестьдесят она выглядела ровесницей своей дочери и, кажется, в очередной раз готовилась посетить загс. Наверняка старой гримзе — Бобров ее стойко не любил — понадобились костюм или платье для того, чтобы сразить наповал очередного избранника, вот Ритка у него и клянчит. Как же они ему все...

— Николай Алексеевич, ваш чай.

Дверь его кабинета распахнулась, и Вика вкатила небольшой столик с чайником, хрустальной вазочкой меда и блюдцем с лимонной горкой. Как у нее получалось так ловко и тонко настрогать лимон, что он потом крохотной пирамидкой послушно выскочил на тарелке, не разваливаясь и не сползая?

— Выпейте, пока горячий, — произнесла секретарша одними губами и тут же добавила: — Опять простудились, Николай Алексеевич! Совсем себя не бережете.

А интересно, она бы его берегла, тут же спросил сам у себя Бобров, благодарно ей улыбаясь. Берегла бы его, заботилась бы? Разрешала бы в непогоду отправляться на рыбалку, только бы он ей дома не мешал? Или встала бы у двери, загораживая проход, и тоном старшей сестры приказала бы немедленно занять свое место на диване?

— Ладно, Маргарита, дома обсудим твои по-

требности, — чуть строже, чем обычно, сказал Бобров, вешая трубку.

Почему-то ему важно было, чтобы Виктория слышала, что он спуску своим домашним не дает и на поводу у них особенно не скачет. Хотя на самом-то деле все так и было: и давал, и скакал, и помогал, помогал, помогал бесконечно, даже самому теперь тошно стало.

— А мед какой: липовый или цветочный? — поинтересовался у секретарши Николай Алексеевич, чтобы задержать ее в своем кабинете чуть дольше.

— Мед магазинный, Николай Алексеевич, — улыбнулась Вика уже от двери. — Вы его маленькими ложечками... Подержите немного во рту, потом чаем запейте. Если горло болит, это помогает. На рыбалке вчера были?

— Да... Нет... — ответил он рассеянно, рассматривая ее пристально и даже чуть придиричиво. — А почему ты решила, что я был на рыбалке, Вика?

Придаться было не к чему, она была чудо как хороша. Во всяком случае, для него. Ему всегда нравились такие вот невысокие крепенькие брюнеточки с небольшой грудью. Грудастых баб Бобров не любил. Они его подавляли, как вон Ритка, много лет. Ритка вообще была полной противоположностью его идеала женской красоты.

Он любил брюнеток, Ритка же была светлой шатенкой и к тому же всю свою жизнь высветлялась до платиновой блондинки. Предпочтение им в молодости отдавалось невысоким, а Ритка вымахала в метр восемьдесят два. И худой была до ужаса. И все что-то подтягивала, соскребала с себя, отсасывала, растрчивая его честно заработанные деньги на пластических хирургов. И глаза ему у женщин нрави-

лись темные. У Виктории были темно-зеленые — красивые. А у жены глаза были прозрачные какие-то, будто пустые...

— Я звонила вам, Николай Алексеевич, вчера вечером, — произнесла виновато Вика.

— Да? — Он удивился, такое случалось крайне редко. — Что-то произошло?

— Уже нет, — она качнула головой. — Уже все в порядке.

Ох, сколько бы он отдал, чтобы вернуть вчерашний вечер, заставивший его уехать в их загородный дом. Чем бы ни пожертвовал, лишь бы его настиг ее поздний звонок.

Ведь она же хотела попросить его о чем-то, это точно! А она никогда его не просила ни о чем, никогда! А работали они вместе уже более пяти лет. Он много раз ей свою помощь предлагал, она отказывалась. И тут вдруг она ему вчера вечером позвонила, чтобы попросить о чем-то, а его дома не оказалось.

— А чего на мобильный не позвонила, Вика? — укорил ее Бобров.

— Это неудобно, — покачала она снова головой.

— Так что, что стряслось-то?!

— Уже все нормально, — упрямо повторила она.

— Нет, так не пойдет, Виктория. — Бобров строго шлепнул ладонью по столу, он мог быть строгим, когда этого требовали обстоятельства. — Я хочу знать все о твоих проблемах!

— Хорошо, — она испуганно покусала нижнюю губу. — Я хотела попросить вас устроить моего мужа на работу к нам. Дело в том, что у него в фирме проблемы и...

— Кого устроить?! Мужа??? Ты замужем?! —

Бобров выпучил глаза, едва не задохнувшись. — Вика, когда?.. Когда ты вышла замуж?!

— Да уже два года, — она растерялась. — Я уже два года замужем за Виктором.

— А почему я этого не знал? — Он почувствовал, что закипает, снова все мимо него, снова все мимо. — Кольца ты не носишь, фамилия осталась прежней, даже на свадьбу не пригласила!.. И тут вдруг оказывается, что ты уже два года замужем! Это как-то неправильно, что ли!

— Может быть, вы и правы, — она погрузилась. — Виктор мой гражданский муж, и свадьбы у нас никакой не было. Сошлись и живем. Кольца оттого нет, и фамилия у меня прежняя. Но я счастлива с ним, Николай Алексеевич, поэтому считаю все остальное ненужными формальностями.

— Да, да. — Он громко отхлебнул из чашки, обжегся, недовольно сморщился и приказал: — Ты иди, Вика, иди, я позову, если что.

Она ушла, а он тут же уронил чашку прямо себе на коленки. Конечно, обжегся и пятно на дорогих брюках поставил. Он не любил неопрятности и едва не захныкал, но сразу сумел забыть об испорченных брюках.

Не это сейчас заботило и угнетало, а другое.

Как же он теперь станет мечтать втихаря о ней, а?! Как будет строить планы, что подаст на развод с Маргаритой — та не могла не согласиться, условия он для нее готовил идеальные, — как же теперь под вечернюю рюмку коньяка он станет дни считать до того момента, когда вызовет Викторину в свой кабинет и...

«И» уже не случится, потому что его мечта оказалась утопией!

Да, он может частично воплотить ее в действительность. К примеру, развод оформить. С женой разъехаться по разным домам. И даже Вику может вызвать в кабинет и, пользуясь своим начальствующим правом, принудить ее к роману. Это ведь теперь обычное дело, когда босс говорит своей секретарше: либо спи со мной, либо увольняйся. Он мог бы все это сделать, но...

Нет! Не мог! Он не мог себе этого позволить, хоть плачь!!!

Не просто же так к нему клеймо добропорядочного гражданина и приличного мужика прилепилось, не просто так. Чем-то он заслужил такое право. Из каких-то его нечаянных промахов, обнаживших его потаенное, трепетное и честное, оно сложилось. И каким бы гадом он теперь ни захотел казаться, ему всяк и каждый будет орать — не верю!

Потому-то вот и Ритку травмировать за здорово живешь смысла не видел. К чему разводиться, мучить ее и настраивать против себя детей, если будущего с Викторией у него нет? И приказать своей секретарше спать с ним, пользуясь своей властью и деньгами, Бобров тоже не мог. В любви ведь либо по согласию, либо никак. Именно так считал он всю свою жизнь. Здесь не может быть никакого принуждения.

Ах, Вика, Вика, когда же ты успела-то, а?! И кто же это такой шустрый — Виктор, кажется?

Наверняка дрянь какая-нибудь, решил он тут же, вспомнив, что гражданский муж уже нагружает Викторию проблемами. Она ведь даже решилась его — Боброва — попросить о чем-то, хотя никогда прежде не позволяла себе подобных вещей.

Допек, стало быть! Допек, загнал в угол, заста-

вил ее унижаться перед своим работодателем! Дрянный и неудачник, который при каждом удобном случае спешит переложить свои проблемы на хрупкие плечи жены.

Конечно, неудачник!

Бобров вдруг повеселел, вспомнив, что муженек-то ее безработный теперь, кажется. Она ведь на счет трудоустройства хотела за него хлопотать, не так ли? Да, точно! Стало быть, доработался до того, что никуда его уже не берут, и их фирма осталась последним шансом для этого Виктора дрянного.

Ну, ничего! Он еще с ним поборется! Муж, понимаете ли, гражданский! Невидаль какая! Чего же не расписывается с ней, а? Кольца почему не дарит, фамилию свою почему ей не предложил вместе с сердцем и телом?

Чувства подобным образом проверяют, стало быть! А чего их проверять? Они либо есть, либо их нет вовсе! А что касается совместимости...

Характерные сейчас все! Это раньше все в строгости у мамы с папой воспитывались, а теперь личность подавлять нельзя уже с пеленок. Комплексы будто уже в утробе матери формируются, а этого допускать никак нельзя. Вот потому-то и с амбициями все непомерными — его детки, кстати, тоже не исключение — и с капризами. Оттого и характер у девяти из десяти не мед и не сахар. Так надо прилагаться как-то, чем-то уметь поступаться. Ведь если есть чувства, разве это трудно? Разве трудно попросить прощения, к примеру, если обидел? Разве трудно помочь в чем-то, если в помощи твоей нуждаются? Главное, чтобы чувства были! А уж гонор свой, считал Бобров, можно и подавить ради любимого человека.